

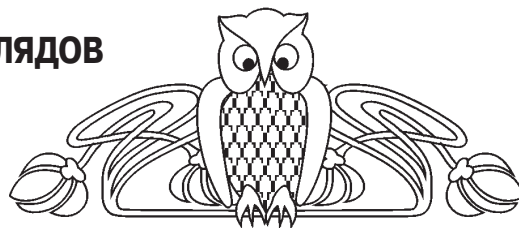

УДК [271.2:323.1](470-89)+929 Гермоген

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ ЕПИСКОПА ГЕРМОГЕНА (ДОЛГАНОВА)

А.И. Мраморнов

Московский государственный университет,
кафедра Отечественной истории XIX–XX вв.
E-mail: mramor-new@mail.ru

Епископ Гермоген (Долганов) – один из наиболее известных церковных деятелей России начала XX в. Автор статьи рассматривает становление его воззрений на национальный вопрос, начиная с его молодости и в период служения в Грузии (1890-е гг.). Более подробно исследуются соответствующие мысли епископа периода его служения в Саратове (1903–1912). Отмечается несистематизированность национальных воззрений Гермогена и их несоответствие задачам его церковного служения. Ставится мало исследованный в историографии вопрос о подходах к классификации церковных националистов.

The Formation of Views on National Question of Bishop Hermogenes (Dolganov)

A.I. Mramornov

Bishop Hermogenes (Dolganov) – one of the most well-known church figures of Russia at the beginning of 20th century. The author of the article explores the formation of his views on national question since his youth and the period of his service in Georgia (1890s). His national views of 1903–1912, when he served in Saratov, are examined in greater detail. Their unsystemized nature and their contradiction with Hermogenes' aims as church leader are emerged. The author raises the poorly understood in historiography question about the approaches to classify the church nationalists.

Епископ Гермоген (Долганов) – видная фигура в церковной и общественно-политической жизни России начала XX в. Ключевые эпизоды его деятельности уже в целом изучены¹. Недостаточно систематизированы данные о его воззрениях, но автором этих строк уже предпринята попытка проанализировать политические взгляды владыки². В настоящей статье представлены соображения, касающиеся его отношения к национальному вопросу. Воззрения владыки в этой области были менее системными, чем в области чисто политической («православный монархизм»). Тем не менее можно попытаться проследить процесс его становления как русского националиста.

Епископ Гермоген был сыном девятнадцатого века. Как и многие, если не большинство поповичей пореформенной эпохи (он родился в семье единоверческого священника Ефрема Долганова), он стремился вырваться из семинарии, в которую по традиции сыновья священников шли получать образование, и пойти не по стопам предков, а в университет. Будучи сам, видимо, малороссийского происхождения (на это указывает его фамилия «Долганов» с вариантом «Долганёв», происходя-

щим от «Довганёв» и, видимо, от «Довгань»³), он, поступив в Новороссийский университет, оказался в многонациональной среде Одессы. Далее в его биографии следует отметить кратковременную учебу на медицинском факультете Женевского университета, путешествия в дальние страны. Все это говорит о том, что будущий епископ Гермоген общался с представителями разных народов, как Российской империи, так и зарубежных стран. Такое общение могло воспитать в нем либо толерантность к *иному* и *иным*, либо их отторжения. Какова была его позиция в период его становления сначала как личности, потом как церковного и общественного деятеля, нам доподлинно неизвестно: отсутствуют соответствующие источники. С одной стороны, университетской среде в целом были чужды, скажем, антиеврейские настроения, но с другой – Георгий Долганов не был типичным представителем этой среды.

Тифлисскую семинарию, в которую выпускник Санкт-Петербургской духовной академии иеромонах Гермоген поступил в 1892 г. на службу в должности инспектора (с 1898 г. – ректор), можно было считать очагом русско-грузинских национальных конфликтов. На руководящие должности в Грузинский экзархат часто присылались ученые монахи «из центра», не всегда способные смириться с особенностями служения на окраине, понять национальный характер своих подопечных. Дипломатические шаги со стороны этих наставников часто заменялись грубыми властными приемами. Все это, естественно, вызывало недовольство местного населения, более всего – грузинского духовенства и учащихся. В ряду таких наставников были преемники архимандрита Гермогена в должности ректора – архимандриты Стефан (Архангельский) и Никандр (Феноменов), которые, «прикрываясь эгидою политики, ... жили только для себя и страшно губили Грузию и русское дело в Закавказье, вводя в обман высшие власти на счет своей деятельности»⁴. Благодаря их деятельности, к 1905 г. грузин по национальности в семинарии не осталось.

Иным было отношение к грузинам у отца Гермогена. Он, приехав в Тифлис, занялся изучением грузинского языка, истории и культуры страны. Для него на первом месте стояла миссия, утверждение в христианской вере мусульман, язычников, новоначальных. Можно предполо-

жить, что он мыслил созвучно священнику Иоанну Восторгову (позднее видному консерватору, проповеднику, чьи речи и статьи печатались и в гермогеновском «Братском листке»), который в одной из проповедей в 1898 г. говорил: «Нам, здесь (в Грузии. – А.М.) живущим и несущим знамя христианского просвещения на окраине России, в виду сопредельных, недавно еще страшных для России стран неверных, в виду многих и среди нас живущих, коснеющих во тьме мусульманского зловерия и иноверия, нам, православным христианам, всем, без различия национальностей (курсив мой. – А.М.), Казанская икона Богоматери вдвойне близка и знаменательна... Как две родные сестры, соединились теперь общностью дела и общностью единого отечества и слились воедино эти Церкви – российская и грузинская»⁵. Видимо, именно без различия национальностей пытался в то время (1890-е гг.) подходить к своему служению о. Гермоген, ставя на первое место веру во Христа.

Каковым было отношение семинаристов-грузин к своим русским наставникам, изучавшим грузинский язык и культуру? Видимо, не всегда благодарным. Это ощущал и будущий епископ Гермоген. Иеромонах Алексей, сослуживец Гермогена грузинского периода, прямо писал ему в письме о ненависти грузин к русским и русскому духовенству, в частности⁶. Практически вторил ему другой сослуживец Гермогена, иеромонах Анатолий, писавший, что обучать грузинскую молодежь русскому языку и прививать ей основы русской культуры – «истинная пытка»⁷.

Но едва ли в этом подлинная причина того, что у епископа Гермогена выработалось стойкое предубеждение против евреев, которым он не находил места в многонациональной России. «Еврейский вопрос» в сознании современников, принадлежавших к разным идейным и политическим направлениям, вообще стоял особняком и не смешивался с «окраинным». Тем более, что все-таки в той же Грузии он видел результаты своих трудов, в частности, благодарность от жителей запущенного района Тифлиса Колночая Балка, который был облагорожен в конце 1890-х гг. трудами духовенства экзархата, в том числе архимандрита Гермогена.

Вероятнее всего, антиеврейски настроенным владыку сделал 1905-й год. К началу революции Гермоген уже четыре года служил в архиерейском сане. Накануне революции духовенство с небывалой силой включилось в общественные дискуссии, в том числе в газетную полемику. Не стал исключением и саратовский владыка, основавший собственную газету «Братский листок». Среди революционеров и создателей антицерковно настроенных изданий в разных уголках Российской империи было довольно много евреев. Недаром современники среди «органов русской печати» выделяли в числе прочих и «еврейские явно или еврейски замаскированные»⁸. Одновременно в

прессе часто преувеличивалась степень «угнетения» еврейского населения в империи. Все это создавало основу для острой полемики в прессе и обществе по национальному вопросу. Это была «злоба дня». Включение в подобные дискуссии превращало оппонентов в публицистов, в политических деятелей, пусть часто и незначительных по их реальной роли в общественно-политическом процессе. Церковное христианское служение не предполагало и не предполагает разделения паствы по национальному признаку, а тем более – построения специальных доктрин по этому вопросу. Но в бурную революционную эпоху, окончательно наступившую в России в 1905 г., мало кому удавалось быть на виду (а епископ практически всегда на виду), оставаясь в то же время совсем вне политики. Не удалось это и епископу Гермогену.

С одной стороны, очевидно, что в 1905 г. он не был погромщиком евреев, каким его пыталась изобразить советская историография. После событий середины октября в Саратове владыка даже инициировал сбор пожертвований в пользу пострадавших от погромов. Но в то же время антиеврейская риторика не сходит с уст владыки именно с конца 1905 – 1906 гг. Его газета «Братский листок» зачастую намеренно занималась антиеврейской пропагандой. Соответствующие материалы специально подбирались редакцией и время от времени помещались на страницах газеты. В качестве примера приведем опубликованную в 1908 г. заметку «Мнение великих людей об евреях»⁹. Она является во многом показательной, отражая в целом подход епископа Гермогена и его сторонников к еврейскому вопросу. В заметке приводятся высказывания о евреях древних мыслителей – Сенеки и Диодора Сицилийского, цитата из Корана, слова Наполеона, немецкого философа Фихте, наконец, Бисмарка. Среди цитат – ни одной из Священного Писания, ни одной из Святых Отцов Церкви, ни одной из новейших подвижников «Святой Руси».

Нецерковной была и сама идеология, которая подкреплялась этими цитатами. Идея «все беды России от евреев» (и ее разновидности, выводимые из речей владыки и его сторонников) не имела ничего общего с христианским пониманием разделения человечества на разные народы, ведь для христианина, тем более для пастыря, по слову апостольскому, во Христе «нет ни эллина, ни иудея» (Гал. 3, 28).

Под евреями и «жидами» епископ Гермоген в большинстве случаев имел в виду, видимо, этнос, а не вероисповедание (иудейское). Доказывает это рассмотрение устава Православного Всероссийского братского союза русского народа – организации, созданной владыкой в 1907 г. в результате попытки подчинить себе полностью местное отделение Союза русского народа. Один из разделов устава предусматривал, что членами союза могут быть «только природные русские люди,

обоего пола, всех сословий и состояний, преданные целям Союза», и что «все лица некоренного происхождения и старообрядцы могут быть принимаемы в члены Союза не иначе, как по единогласному постановлению соединенного собрания членов советов и членов-учредителей»¹⁰. Кроме этого особо оговаривалось, что «евреи в члены Союза никогда допущены быть не могут, даже в том случае, если они примут христианство». Подчеркнем: это строки из устава организации, созданной православным епископом. Правда, в этом случае он выступал скорее не в роли пастыря, а в качестве крайне правого политика, пользующегося данной ему от Бога властью для того, чтобы проводить в жизнь идеи, прямо противоречившие слову Священного Писания.

Как и в области чисто политической, в которой владыка был убежденным монархистом, в сфере национальной у епископа Гермогена была главная идея – русская. Монархизм и «русскость» были в системе взглядов архиерея неотъемлемыми характеристиками идеального члена социума. Он много говорил о единстве и объединении (что вполне свойственно церковному пастырю), но в общественной сфере имел в виду объединение только русских людей. Объединяться они должны были под церковным знаменем, ведь «никогда нам не нужно забывать того, что вера православная – душа русского народа. Распадется вера, распадется и государство, на вере основанное, верою возвеличенное. Кто поддерживает веру, тот поддерживает тем самым и Государство, страну и народ. <...> Вследствие потери св. веры страна наша находится в опасности быть заполоненною желтою расою. Были светские пророки, о том предсказывавшие»¹¹. Неоднократно после Русско-японской войны в своих проповедях епископ обращался к предсказанию философа В.С. Соловьева о нашествии на Россию «желтой расы»¹².

Русские в системе взглядов Гермогена делились на «истинных» и «бывших». Последние приравнивались к евреям. Выступая в 1907 г. против постановки в Саратове пьесы «Черные вороны», владыка писал, что на город налетела «безнравственная и бездарная труппа актеров, евреев и бывших русских людей»¹³. Таким образом, национальной идентичности можно лишиться – она тесно связана в системе взглядов Гермогена, как уже было показано, с религиозной и культурной идентичностью, если не тождественна им: «Современные враги света Христова все силы свои и всю полноту власти своей употребляют на то, чтобы стеснить церковное дело, чтобы ограничить свободу пастырей в религиозно-церковном созидании *русского народного* (курсив мой. – А.М.) духа»¹⁴.

Народ воспринимался Гермогеном как живой организм. Жизнь конкретной нации уподобляется жизни индивида. Так, народ грешит и может каяться. «Вероятно, русские люди не страшатся гнева Божия, – говорил Гермоген в 1909 г., – не-

ужели не вразумила их ужаснейшая Божья кара, разразившаяся над Россией в виде особой все-российской Мессины»¹⁵, начавшейся глубоким политическим провалом от Японской злополучной войны и длившейся затем несколько лет, вплоть до 1908 года, в виде революционно-вулканических ударов, междоусобиц, смут и других эксцессов революции: провал и революционно-вулканические извержения погубили, ведь, многие сотни тысяч народа русского, кроме женщин и детей, не считая ужасного и повсеместного обнищания всего народа и всей нашей страны?.. А самое бедствие итальянской Мессины, по своим ужасам не поддающееся описанию – это поистине грозное и решительное выступление карающей власти Всемогущего Бога против власти мира и наглых оскорбителей Божьей достоинства и Божьей власти на земле?!»¹⁶ Таким образом, по Гермогену, Богом каждому народу дарована свобода исторического действия, которая может быть им, народом, использоваться как во благо, так и во вред. Последнее может вызвать гнев Божий. Эпоха начала XX в. изобиловала примерами, служившими прекрасными иллюстрациями к такой концепции.

Несмотря на прорусскую и ярко выраженную антиеврейскую позицию, епископ был все же, судя по всему, сторонником многонациональной империи. В его речах встречается категория «врожденные (природные) инородцы». К ним, например, относились мордва, чуваша (характерны такие выражения, как «наши чуваша») и др. народы. На эти народы империи, по Гермогену, должна была направляться, в первую очередь, миссия Православной церкви.

С затрагиванием «дебрей» национального вопроса стройность и системность соответствующих воззрений владыки совсем падала, но повышалась обостренность нравственного понимания жизни отдельных народов. Следующий фрагмент одного из выступлений владыки 1911 г. прекрасно показывает ход его мысли: «Мы судим о народах – об их благоденствии и состоянии – по внешности: культуре, развитию, искусствам и проч. Не по этим признакам следует судить о них, а по внутренним: вере и нравственности их. Нам нет друзей среди народов: наше назначение быть апостолом, нести св. веру другим языкам. И если уж с кем-либо необходимо по каким-либо видам дружить, то лучше с немцами: у них более строгие и нравственные семейные бытовые, общественные и государственные устои, более правдивые суды; они и народ – более честный во взаимных отношениях. А мы во всем стараемся подражать японцам. И в предметах домашнего обихода и особенно в дамских костюмах заметно сильное им подражание. А между тем замечено историческое явление такое: нация, близкая к своему падению, уже заранее, как бы предчувствуя свое падение, старается подражать той нации, которая будет ее победительницей»¹⁷.

Типологически систему взглядов епископа Гермогена в период его служения в Саратове можно назвать правонационалистической, но с рядом серьезных оговорок. В историографии пока плохо разработана теория изучения националистических движений начала XX в., в частности, принципы классификации представителей этих движений, позволившие избавиться от ярлыков и штампов и дать точное, адекватное наименование тому или иному направлению. Существует еще медленно преодолеваемая тенденция рассматривать всех правых начала XX в. в виде единого лагеря, вне зависимости от того, как оценивается их деятельность и их роль в жизни России той эпохи.

Уточняя термин «правый националист» в отношении Гермогена, можно назвать его «церковным националистом». Но и здесь необходимы некоторые разъяснения. Так, церковными националистами могут быть названы такие совершенно разные деятели, как святой праведный Иоанн Кронштадтский или монах-расстрига Илиодор. Но налицо различные модели церковного национализма.

Кронштадтский протоиерей Иоанн Ильич Сергиев много говорил и писал о необходимости укреплять величие русского народа, бороться с общественными, народными недугами. При этом антиеврейские настроения были ему не чужды. В то же время, прославившись на всю Россию как праведник и молитвенник, он принимал у себя представителей не только разных национальностей империи, но и разных исповеданий, в частности мусульманского, а также представителей протестантских деноминаций.

Как отмечалось, епископ Гермоген был также последовательно антиеврейски настроен. В этом его сходство с Иоанном Кронштадтским. Но позиция владыки в отношении ряда народов и иных вероисповеданий была более категоричной, можно, думается, даже говорить о его изоляционистской позиции. Хотя есть примеры, когда на беседах, проводившихся Гермогеном в Саратове, к нему под благословение подходили протестантские пасторы, а присутствовали в зале евреи, магометане, это расценивалось корреспондентами гермогеновского «Братского листка» (сотрудниками и единомышленниками владыки) лишь как «знаменательный факт»¹⁸, а отнюдь не как обычай, поощрявшийся владыкой.

Деятельность Илиодора – пример иной модели церковного национализма. Его национализм радикален, обращен не к мыслящим людям, которые, разбирая предложенные проповедники, церковно-общественным деятелем данные, способны обратиться к изучению своей нации, уважать ее и гордиться ею, но, напротив, к толпе, готовой без лишних размышлений последовать за прямолинейным лидером. «Русь идет!» – этот и подобные ему лозунги были взяты на вооружение сторонниками неумного иеромонаха. Антиеврейские настроения илиодоровцев были наиболее

радикальными из разобранных трех моделей и практически граничили с радикальностью, выраженной известным лозунгом «бей жидов, спасай Россию», хотя и не достигали ее.

Другим подтверждением несправедливости оценки национального правого сознания как чего-то единого и целого служит сопоставление с системой взглядов епископа Гермогена сформулированных в историографии основных «постулатов» правого сознания начала XX в.

«Первым из таких постулатов правого сознания следует признать примат нации, государства, общины над личностью, отрицание самостоятельных прав личности, – отмечает Д.И. Раскин. – Декларативно-демагогически этот примат формулировался в качестве преобладания обязанностей над правами, якобы присущего христианскому сознанию»¹⁹. У церковных деятелей, в частности у епископа Гермогена, подобный примат если и проявлялся в ряде случаев, был как постоянное умонастроение невозможен. Иногда владыка действительно требовал подчинения «мыслей и стремлений отдельных людей целям государства с единой и абсолютной (монархической) властью и единой (господствующей) церковью»²⁰. Но в то же время язык его проповедей и бесед, проводившихся по его благословию саратовским духовенством, говорит о том, что собеседником епископа и его сотрудников был индивид-христианин.

Другой «постулат» – примат «национального начала над социальным, перевод всех общественных проблем – социальных, экономических, политических, правовых и даже моральных (не говоря уже о культурных) – в категорию национальных»²¹. Для епископа Гермогена это неверно. Гораздо чаще, что и логично для любого пастыря, он рассматривал существующие проблемы России с помощью категорий нравственности (в этом убеждает рассмотрение текстов его проповедей).

И дальнейшее сопоставление покажет либо полное, либо частичное несоответствие воззрений епископа сформулированным И.Д. Раскиным постулатам «правого» сознания. Хотя бесспорно, что Гермоген – представитель именно правого направления в общественной мысли изучаемой эпохи. Очевидно, что необходимо создание более разветвленной классификации национальной правой идеологии и практики в России начала XX в., чем та, которая имеется в историографии на сегодняшний день.

В заключение отметим, что в последний год пребывания владыки на саратовской кафедре количество острых высказываний Гермогена по национальному вопросу снижается: его занимали многие другие проблемы. Возможно, продолжая благословлять и поддерживать иеромонаха Илиодора до отречения последнего от Церкви, владыка одновременно осознавал, что ставка на антиеврейские настроения народных низов, сделанная его строптивым «сотрудником», неверна. В работах

периода «покоя» (1912 – 1916 гг.) Гермоген изредка продолжает использовать слова «евреи», «жиды» как полемические клише (наряду с такими категориями, как, например, «толстоцев») и т.п. Через некоторое время после трагической гибели епископа Гермогена в 1918 г. национальный вопрос в России вновь остро встанет, правда, уже совсем в другом ключе, и отнюдь не являясь предметом свободных общественных дискуссий.

Примечания

- ¹ См.: Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858 – 1918). Саратов, 2006.
- ² См.: К вопросу о политических взглядах епископа Гермогена (Долганова) // Платоновские чтения: Материалы XII Всерос. конф. молодых историков. Самара 10–11 ноября 2006 г. / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара, 2006. С. 176–183.
- ³ См.: Платонов Г.М. Православная Церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России 1900 – 1914 гг. (На материалах Саратовской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 236.
- ⁴ Из воспоминаний русского учителя Православной Грузинской Духовной Семинарии. М., 1908. С. 4.
- ⁵ Восторгов И.И., прот. Полное собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 179.
- ⁶ ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 134. Л. 9.
- ⁷ Там же. Д. 126. Л. 3 об.
- ⁸ Розанов В.В. Евреи в жизни и в печати // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2003. С. 93.
- ⁹ Мнение великих людей об евреях // Братский листок. 1908. № 164. С. 2 – 3.
- ¹⁰ Устав Православного Всероссийского Братского Союза Русского народа // Россиянин. 1907. № 25. С. 2.
- ¹¹ Братский листок. 1911. № 126. С. 3.
- ¹² См. также: Мраморнов А.П., свящ. Сочинения: Записки, епархиальные хроники, публицистика / Ред.-издатель А.И. Мраморнов. Саратов, 2005. С. 192.
- ¹³ Гермоген, еп. Нравственные тревоги и терзания большей части Саратовского общества, в виду ужасного «Пробуждения весны» и возмутительного появления «Черных воронов». Саратов, 1907. (Приложение к газете «Россиянин». № 54). С. 1.
- ¹⁴ Братский листок. 1908. Приложение к № 127. С. 2.
- ¹⁵ Епископ сравнивает русскую революцию с землетрясением в итальянском городе Мессина 1908 г.
- ¹⁶ Гермоген, еп. Тяжкое и нестерпимое бедствие, переживаемое ныне Россией // Братский листок. 1909. № 41. С. 1.
- ¹⁷ Братский листок. 1911. № 126. С. 3.
- ¹⁸ Б[еляев] П., [свящ.]. Шестнадцатая пастырская беседа // Братский листок. 1908. № 170. С. 1.
- ¹⁹ Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX в. // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки: В 3 ч. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. С. 14.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 15.